

«...Явись, осуществись,
Россия!»

Андрей
Белый
в поисках будущего

Марина Самарина

**«...Явись, осуществись, Россия!»
Андрей Белый в поисках будущего**

«Алисторус»

2016

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)

Самарина М. А.

«...Явись, осуществишь, Россия!» Андрей Белый в поисках
будущего / М. А. Самарина — «Алисторус», 2016

ISBN 978-5-906842-01-5

Подготовленная к 135-летнему юбилею Андрея Белого книга М.А. Самариной посвящена анализу философских основ и художественных открытий романов Андрея Белого «Серебряный голубь», «Петербург» и «Котик Летаев». В книге рассматривается постепенно формирующаяся у писателя новая концепция человека, ко времени создания последнего из названных произведений приобретшая четкие антропософские черты, и, в понимании А. Белого, тесно связанная с ней проблема будущего России, вопрос о судьбе которой в пору создания этих романов стоял как никогда остро. Большое внимание в книге уделяется также анализу эстетических находок писателя, которые, воплотившись в названных романах, сделали их уникальным явлением в русской литературе.

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-906842-01-5

© Самарина М. А., 2016
© Алисторус, 2016

Содержание

Введение	6
«Серебряный голубь»	10
Восток или Запад?	10
Ни Восток, ни Запад	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

М.А. Самарина
«...Явись, осуществишь, Россия!»
Андрей Белый в поисках будущего

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)» к 135-летию Андрея Белого

Введение

Достижения нового искусства начала века как в области идей, так и в художественном плане во многом связаны с именем Андрея Белого, которому публикация первого же сочинения («Вторая симфония», 1902) принесла репутацию писателя, стремящегося, с одной стороны, к привнесению в литературу духовности, а с другой – занятого поисками новой, адекватной содержанию формы.

Русский символизм был по сути течением романтическим, поэтому не удивительно, что А. Белого, одного из лидеров младосимволистов, интересовали в первую очередь вопросы взаимоотношений человека и Бога, места и роли личности в мире. На рубеже двух столетий будущий писатель мечтал о духовном учении, которое соответствовало бы современности: «Если бы можно было соединить учение Ницше с взглядами Соловьева и присоединить сюда же Достоевского, то мы получили бы грандиозное учение-религию»¹. С помощью такого учения, полагал он, человек мог бы преобразить себя, подготовиться к жизни в новом, изменившемся мире, которая, согласно предсказаниям названных «учителей жизни» и собственным предчувствиям А. Белого, вот-вот должна была наступить.

И эсхатологические переживания, и теургические чаяния поэта, и его мечты о постижении Вечности воплотились в «Симфониях» («Второй» и «Третьей»), в основе которых лежит идея двоемирия. Вместе с тем уже во «Второй симфонии» слышны первые признаки разочарования писателя в возможности исполнения в обозримом будущем ожидаемых им событий. Поэтический сборник «Золото в лазури» мотивами жертвенности, страдания, одиночества свидетельствует о переживаемом А. Белым разуверении.

Убедившись, что мистические пророчества сами по себе не могут служить основой для религии будущего, писатель обращается к идеалистической философии, надеясь в ней обнаружить необходимую опору для нового учения, но и здесь не находит желаемого.

Но оттого, что пророчества оказались преждевременными, а философия не оправдала возлагавшихся на нее надежд, поиски современного духовного учения, способного преобразить личность, не перестали быть актуальными для А. Белого. Напротив, духовный кризис, переживаемый поэтом, сделал ощущаемую им потребность в современной религии ещё более острой, так как, с точки зрения А. Белого, только она, эта религия, могла обеспечить удачный выход из кризиса.

Продолжающиеся поиски приводят поэта к теме России. Первоначально Белый пишет о России как об источнике вдохновения, внутренней свободы и душевных сил; герой его сборника «Пепел» оставляет город и ищет спасения в полях, но всюду видит боль, несчастье, нищету, и его охватывает отчаяние.

«Россия с её разложившимся прошлым и нерожденным будущим» – так определил тему сборника А. Белого «Пепел» С. Соловьев. Рецензент, бывший близким другом автора, заметил также, что запечатленное в стихах состояние страны соответствует состоянию души поэта: «Книга Андрея Белого называется «Пепел». Пепел чего? Прежних субъективных переживаний поэта или объективной действительности, – пепел России? И того и другого»².

Преобразование темы России в глубоко личную тему было обусловлено тем, что писатель в происходящих в стране событиях увидел сходство с трагическим ходом собственной жизни. С этого времени параллели между душевным состоянием человека и состоянием России стали

---

¹ Юношеские дневниковые заметки А. Белого (публикация Лаврова А.В.) // Памятники культуры. Новые открытия. За 1979 год. – Л., 1980. – С. 127.

² Цит. по: Александр Блок, Андрей Белый. Диалог поэтов о России и революции. – М.: Высшая школа, 1990. – С. 524, 526.

постоянными в творчестве А. Белого, а вопрос о будущем родной страны приобрел для писателя первостепенное значение.

Возникший у него в этот период замысел трилогии о судьбе России «Восток или Запад» представляется Белому очень важным, поскольку решение проблемы, сформулированной в заглавии, для писателя есть в то же время ответ на вопрос: быть или не быть в России новому человеку? А так как последнее, с точки зрения А. Белого, зависит от духовного учения, способного преобразить личность, то обретение этого учения имело бы судьбоносное значение и для России.

Принято считать, что Белый не дописал трилогию. Многие исследователи полагают, что «уже в ходе работы над «Петербургом» первоначальный замысел претерпел коренные изменения, и трилогия не состоялась – два написанных романа «Серебряный голубь» и «Петербург» приобрели совершенно самостоятельное значение»³. Однако, признавая независимость двух первых романов писателя друг от друга, исследователи в то же время отмечают наличие у них общей проблематики: «“Серебряный голубь” был призван воплотить гибельную стихию Востока, “Петербург” – химерическое наваждение Запада»⁴. Отсюда следует, что эти два сюжетно не связанные между собой романа посвящены реализации одной и той же авторской идеи, воплощение которой в рамках одного только произведения – любого из двух – представлялось неполным как самому автору, так и исследователям его творчества.

Но, признав наличие общей для двух романов идеи, мы тем самым признаем их частями единого целого⁵. А значит, считать замысел трилогии нереализованным мы можем лишь до тех пор, пока остается «найденной» её третья, заключительная часть.

Роман «Котик Летаев», как правило, не связывают с двумя первыми прозаическими произведениями А. Белого. Упоминая о третьем романе писателя при анализе одного из предыдущих, литературоведы отмечают лишь, что «Котик Летаев» возник из произведения, которое *планировалось* как заключительная часть трилогии. Такие формулировки, как: «заключительная часть трилогии, книга, в которой должны быть указаны пути к разрешению... конфликта, не была написана»,⁶ – можно считать косвенным выражением мнения о романе «Котик Летаев» как не имеющем отношения к трилогии «Восток или Запад». Аргументом «против» служит как то, что тема Востока и Запада, объединяющая два первых романа, в третьем произведении скрыта, так и то, что «Котик Летаев» «освобожден от той социально-общественной основы, на которой создавалась фабула романа («Петербург». – М.С.) и вырабатывалась поэтика»⁷. Однако социально-общественной проблематикой не исчерпывается и содержание «Петербурга», а в «Серебряном голубе» она занимает совсем немного места.

По мысли Белого, проблема Востока и Запада – проблема каждой личности. Так как Запад символизирует разумность, рассудочность, а Восток воплощает бессознательность, интуитивность, то в масштабе одной судьбы проблема Востока и Запада обретает форму вопроса: разум или чувство следует считать той силой, которой должен руководствоваться человек, чтобы быть в состоянии преодолевать опасности? Единство трилогии – в размышлениях автора над тем, что есть личность, каковы причины внутреннего разлада современного человека, каковы пути и средства преодоления духовного кризиса. Истинный путь, путь спасения, по мысли Белого, – в отказе от крайностей, в синтезе двух начал, из которого рождается новое качество. Поиск такого синтеза и вдохновлял писателя на создание трех первых романов.

³ Пискунов В.М. Примечания к роману «Серебряный голубь» // Белый А. Соч. в 2 томах. Т. 1. – М., 1990. – С. 687.

⁴ Лавров А.В. Андрей Белый в 1900-е годы. – М., 1995. – С. 278.

⁵ «Степень единства трилогии, особенно эпической, весьма ощутимо колеблется: от подчинения разных сюжетов общей идее (здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, курсив мой. – М.С.)... до цельности единого романа...». – Краткая литературная энциклопедия. Т.7. – М., 1976. – С. 616.

⁶ Козьменко М. Автор и герой повести «Серебряный голубь» // Белый А. Серебряный голубь. – М., 1989. – С. 8.

⁷ Долгополов Л.К. Андрей Белый и его роман «Петербург». – Л., 1988. – С. 356.

Впоследствии временем обретения синтеза, «жизни в синтезе» Белый назвал 1912–1915 годы. В этот период он дописывал «Петербург» и задумывал «Котика Летаева». Тогда же под руководством Р. Штайнера писатель занимался изучением духовной науки – антропософии.

Из Швейцарии, где он работал на строительстве антропософского храма, Белый пишет Иванову-Разумнику: «У меня под ритмом работы уже отчетливо определилась третья часть трилогии, которая должна быть сплошным “да”; вот и собираюсь: месяца три ещё поколотить дерево, сбросить с души последние остатки мерзостного «Голубя» и сплинного «Петербурга», чтобы потом сразу окунуться в третью часть Трилогии»⁸.

Прежде чем А. Белый приступил к работе над третьим романом, планы его не раз менялись. Но одно оставалось неизменным: роман мыслился как окончание трилогии и должен был показать авторские идеалы – то, «“во имя чего”... такое отрицание современности в “Петербурге” и “Голубе”»⁹.

Положительное *credo* писателя было антропософским. В духовной науке Белый нашел то взаимопроникновение разума и чувства, в котором одном, по его мнению, мог найти спасение раздвоенный современный человек. Об этом А. Белый писал в статье «Антропософия и Россия», прямо связывая будущее России с антропософией. И названием, и содержанием этой статьи писатель как бы дает окончательный ответ на вопрос, содержащийся в названии его трилогии: не Восток и не Запад в своей отделенности друг от друга, а антропософия как восток-запад – вот истинный путь России.

Но если в антропософии Белый видит решение проблемы и для отдельного человека, и для страны в целом, то именно «Котик Летаев» как «откровенно антропософское произведение», как роман, «резльтирующий опыт антропософа», должен быть назван завершающей частью трилогии.

Таким образом, одна из основных задач, которая стояла перед автором этой книги, – показать отражение в романах «Серебряный голубь», «Петербург» и «Котик Летаев» пути А. Белого к антропософии и черт духовной науки, позволяющих признать её тем учением, которое на протяжении ряда лет искал А. Белый.

К 1909 году, когда им был закончен первый роман, Белый имеет репутацию художника, увлеченного решением эстетических задач. Все написанные им к этому времени произведения отличаются оригинальностью формы, которая, однако, не является для писателя самоцелью: те или иные художественные особенности его произведений обусловлены желанием максимально точно выразить идею.

Одним из основных направлений эстетических исканий символистов было движение к синтезу; в творчестве А. Белого оно выразилось в первую очередь как попытка использовать в литературном произведении приёмы, свойственные смежным с поэзией искусствам, в особенности музыке. В первой опубликованной статье будущего теоретика символизма («Формы искусства», 1902) музыка названа высшим из искусств. Приближенность поэтического произведения к музыке, согласно Белому, проявляется прежде всего в стиле. Причину растущего влияния музыки на все формы искусства автор статьи видит в усилившемся «тяготении к вопросам религиозным»¹⁰. Этим же объясним и выбор поэтом жанра симфонии для своих первых произведений.

Однако не только ориентация на музыку является отличительной чертой Симфоний. Ещё одно направление эстетических поисков А. Белого и символистов в целом – мифология. Миф, в котором форма тождественна содержанию, считался образцом формы. Символисты обращались к традиционным мифам, часто акцентируя в них малоизвестные, прежде не привлекав-

---

⁸ Цит. по: Андрей Белый. Проблемы творчества. – М., 1988. – С. 78–79.

⁹ Там же.

¹⁰ Белый А. Символизм как миропонимание. – М., 1994. – С. 94, 101.

шие большого внимания аспекты, но имели место и их собственное мифотворчество, и мифологизация произведений предшественников.

Результаты подобных исканий воплотились, например, в третьей симфонии «Возврат» в образе мира Эдема, построенного «на сочетании, в духе соловьевского “синтеза”, мотивов античной и христианской мифологии»¹¹. А в сборнике «Золото в лазури» традиционные и сотворенные самим Белым мифы положены в основу ряда стихотворений.

Использование в Симфонии цветowych эпитетов, напоминающее технику импрессионистической живописи, свидетельствует об интересе писателя к цвету. В 1903 году А. Белый пишет статью «Священные цвета», в которой утверждает возможность выразить идею, в том числе и прежде всего идею религиозную, цветом.

Изобилие цветowych эпитетов и метафор, предназначенных для изображения переживаний лирического героя или использованных в качестве символов «определенного комплекса мистических представлений»,¹² становится одной из отличительных черт первого поэтического сборника А. Белого. Следующий сборник, «Пепел», удивил простонародностью языка, обращением к фольклору и звуковой оркестровкой стихов¹³. Из большого числа эстетических находок четвертой симфонии назовем хотя бы приём параллелизма внешнего мира и внутреннего состояния человека.

Изданный в 1908 году «Кубок метелей» стал последней симфонией Белого, и не только потому, что встретил непонимание и даже недоумение со стороны читателей и критиков. Отказ писателя от дальнейших опытов в этом жанре был обусловлен переменами в его мировоззрении: «Кризис мирозерцания Белого наглядно воплотился в кризисе адекватной ему художественной формы... Новых духовных импульсов, более широкого охвата действительности, осмысливаемой уже не только в системе метафизических понятий и под знаком мистических предначертаний, но и в социально-историческом аспекте, в трагических отсветах современности... “симфонии” уже вместить не могли»¹⁴.

Однако переход к традиционным жанрам не означал отказа от экспериментов в области формы. Художественную сторону романов, составляющих трилогию, Белый обогатил за счет открытий, сделанных в период создания симфоний и первых поэтических сборников. Эстетические искания продолжались и одновременно с работой над романами; результаты поисков были оформлены в виде статей об особенностях стиля («Гоголь»), о роли слова и звука («Магия слов», «Мысль и язык. Философия языка Потебни», «Глоссолоалия»), о стихотворном ритме и т. п. Многие мысли, высказанные в этих статьях, повлияли на художественные особенности трилогии, которая, вследствие этого, стала уникальным произведением не только по воплощенным в ней религиозно-философским идеям, но и с точки зрения формы.

Таким образом, вторая основная задача, стоявшая перед автором этой книги, – показать, какую роль в воплощении идейного содержания романов «Серебряный голубь», «Петербург», «Котик Летаев» играют художественные средства. Автор сознает, что, в связи с грандиозностью этой задачи, полностью в одной работе она решена быть не может, и надеется, что исследования в этой области будут продолжены.

¹¹ Миц З.Г., Мельникова Е.Г. Симметрия – асимметрия в композиции «Третьей симфонии» А. Белого // Уч. записки ТГУ. – 1984. – Вып. 641 (Труды по знаковым системам 17). – С. 87.

¹² Подробнее об этом см.: Лавров А.В. Андрей Белый в 1900-е годы. – С. 149–150; Мочульский К.В. Андрей Белый. – С. 52–53; Корецкая И.В. Импрессионизм в поэзии и эстетике символизма // Литературно-эстетические концепции в России конца 19 – начала 20 веков. – М., 1975. – С. 223.

¹³ Лавров А.В. Указ. соч. – С. 251, 258, Мочульский К.В. Указ. соч. – С. 119.

¹⁴ Лавров А.В. Указ. соч. – С. 209, 213.

«Серебряный голубь»

Восток или Запад?

Проблема Востока и Запада стала одной из центральных в русской философии в 1840-х годах. Первое «Философическое письмо», в котором П.Я. Чаадаев писал об особом месте России («мы... не принадлежим... ни к Западу, ни к Востоку...») и утверждал бессмысленность её существования («Одинокие в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли, мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли, мы ни в чем не содействовали движению вперед человеческого разума, а всё, что досталось нам от этого движения, мы исказили»¹⁵), явилось началом разделения русских мыслителей на западников и славянофилов¹⁶.

Вопреки распространенному мнению, первые славянофилы вовсе не были ярыми противниками Запада. Они не идеализировали «золотое старое время» и не призывали вернуться к старым формам жизни. Один из вождей славянофильства А.С. Хомяков был убежден, что о Петре Великом «потомство вспомнит только с благодарностью», поскольку хотя «много ошибок помрачают славу преобразователя России, но ему остается честь пробуждателя её к силе и к сознанию»¹⁷. Хомяков называл Запад «страной святых чудес», и ближайшие соратники были с ним согласны.

Неправда Запада для славянофилов – в торжестве разума над верой. Католицизм рационалистичен, а Хомяков и Киреевский отрицали возможность доказать христианскую истину, дойти до нее силой разума. Славянофилы проповедовали Соборность и именно потому выступали против рационализма, что «рассуждает каждый за себя и от себя. Только вера не есть и не может быть «частным делом», – ибо вера есть приобщение ко Христу»¹⁸.

Следующее поколение славянофилов стояло на тех же позициях. Характерный пример – творчество Достоевского, который много критиковал Запад и католицизм, однако отмечал и положительное влияние Европы на Россию, высказывая идею, что «у нас, русских, две родины – Европа и наша Русь».

Размышлениями о Востоке и Западе была наполнена вся духовная жизнь России, но вопрос не был решен окончательно и перешел в новое столетие, обострившись в связи с русско-японской войной и революционными событиями 1905 года. Кроме того, проблема Востока и Запада в это время приобретает личностный характер, рождая уверенность, что от решения её зависит не только будущее России в целом, но и судьба каждого человека. Политическому кризису в стране соответствует кризис сознания, ощущаемый едва ли не всеми мыслящими людьми. Андрей Белый, сам переживший во второй половине 1900-х годов тяжелейший жизненный кризис, на рубеже десятилетий напишет, что именно во внутренней дисгармонии личности следует искать истоки конфликтов во внешнем мире: «Разлад жизни вокруг нас зависит от разлада в нас». Последний же «указывает на продолжающуюся (хотя бы и скрыто) борьбу между сознанием и чувством»¹⁹. А так как сознание ассоциируется с Западом, а чувство – с

---

¹⁵ Чаадаев П.Я. Сочинения. – М., 1989. – С. 18, 25.

¹⁶ Есть, правда, и другое мнение. Так, Р.В. Иванов-Разумник считал, что ещё Пушкин в стихотворении «Клеветникам России» (1831) создал «первый поэтический, пророческий манифест России – Европе, Востока – Западу». См.: *Иванов-Разумник Р.В. Испытание в грозе и буре* // Александр Блок, Андрей Белый. Диалог поэтов о России и революции. – М.: Высшая школа, 1990. – С. 569.

¹⁷ Хомяков А.С. О старом и новом: статьи и очерки. – М., 1988. – С. 46, 54.

¹⁸ Там же. С. 317.

¹⁹ Белый А. Символизм как миропонимание. – М., 1994. – С. 211.

Востоком, то для выхода из духовного кризиса необходимо решить проблему Востока и Запада прежде всего в личностном аспекте.

В понимании Андрея Белого и части его современников, наступивший кризис предопределен всей предшествующей историей и является сигналом грядущего конца мира. В связи с этим решение проблемы Востока и Запада – ключ к преобразению личности, к перерождению человечества. Символистское утверждение «человеческий род даст новую разновидность или погибнет» не было просто красивыми словами. А. Белый и его соратники верили, что следствием преобразования души будет преобразование тела.

Но как осуществить это преобразование? Ответ, казалось бы, очевиден: способна на это только религия. А. Белый писал в одной из статей о невозможности нормального существования «двух разделенных царств – мира бытия и мира логических принципов; первое безумно, бессмысленно; второе бесплодно, безжизненно; *смысл только в соединении...* соединение же разума с переживаемым опытом возможно только как *религия жизни...*»²⁰.

Однако традиционному христианству на рубеже XIX–XX веков такая задача была не по силам. За два десятилетия до наступления нового века в первой лекции цикла «Чтения о Богочеловечестве» Владимир Соловьев констатировал: «...Современное состояние... религии вызывает отрицание, потому что религия в действительности является не тем, чем она должна быть. ...Для современного цивилизованного человечества... религия не имеет... всеобъемлющего и центрального значения. ...Религии как господствующего начала, как центра духовного тяготения нет совсем...»²¹.

Чтобы стать истинной религией, способной преодолеть «умственный и нравственный разлад и безначалие, господствующие в настоящее время не только в обществе, но в голове и сердце каждого отдельного человека», христианство само должно преобразиться, считал Соловьев и под преобразованием понимал в первую очередь синтез, поскольку «истинная религия не может исключать, или подавлять, или насильственно подчинять себе какой бы то ни было элемент, какую бы то ни было живую силу в человеке и его мире»: «Религия состоит в приведении всех стихий человеческого бытия, всех частных начал и сил человечества в правильное отношение к безусловному центральному началу, а через него и в нём к правильному согласному отношению их между собою». Показав, что «безусловное начало требуется и умственным, и нравственным, и эстетическим интересом человека», и повторив, что «эти три интереса в их единстве составляют интерес религиозный», философ делает вывод: «Совершенная религия есть... та, которая всё в себе содержит и всеми обладает (полный религиозный синтез)»²².

Труды В.С. Соловьева стали отправной точкой духовных исканий русской интеллигенции начала XX века. Поиск шел в разных направлениях. Д.С. Мережковский, например, писал о необходимости синтеза христианства и язычества. В исследовании «Лев Толстой и Достоевский» (1900–1902) он утверждал, что историческое христианство не в полной мере соответствует учению Христа, и, более того, именно эту неполноту называл причиной того, что «в жизни не только каждого отдельного человека, но и всего человечества произошло бесконечное раздвоение, безвыходное трагическое противоречие». Мережковский задавался вопросом: «...Не указан ли в учении Христа выход из этого противоречия? ...Другими словами, не утверждает ли Христос равноценности, равносвятости Духа и Плоти?» Сама постановка вопроса показывала, что автор для себя решил его положительно. Стремясь убедить современников в том, что восстановить целостность человека и общества без «оправдания» плоти невозможно, Мережковский писал: «Надо же понять раз навсегда: язычество, по крайней мере, на своих последних высших пределах, например, в эллинизме (Софокл, Сократ, Платон), не есть нечто

---

²⁰ Белый А. Символизм как миропонимание. С. 223.

²¹ Соловьев В.С. Спор о справедливости. – М. – Харьков, 1999. – С. 27–28.

²² Соловьев В.С. Спор о справедливости. С. 36.

навек противоположное христианству, а лишь дохристианское и вместе с тем неизбежно ведущее к христианству; преображенное язычество включается в христианство, как преображенная плоть включается в дух. Идея эта до такой степени родственна православной церкви, что наши старинные московские иконописцы в церквях рядом со святыми изображали Гомера, Гесиода, Еврипида, Платона и прочих, «их же в неверии касашся благодать Духа Св.» – сказано в Иконописном Подлиннике»²³.

Предпринимались попытки обрести искомый синтез через приобщение к народной вере. С конца XIX века было распространено мнение, что народное православие очень отличается от официального, что оно-то и есть истинное, в связи с чем в культурной среде возрос интерес к сектам. Особенно популярны были хлысты, считавшие, что исполнением определенных обрядов можно воспитать в себе Христа, то есть стать человекобогом. Многие видные деятели русской литературы искали общения с сектантами²⁴.

А. Белый, размышляя о религии жизни, ничего не упускал из виду; но, пожалуй, ближе всего в 1900-х годах был ему путь, обозначенный Владимиром Соловьевым, автором «Чтений о Богочеловечестве» и «Смысла любви». В последнем из названных сочинений В.С. Соловьев писал, что хотя именно сознанию человек обязан способностью «бесконечно совершенствовать свою жизнь и природу, не выходя из пределов человеческой формы», однако для истинного преображения человека этого недостаточно, поскольку эгоизм – «реальное основное начало индивидуальной жизни» – не может быть перевешен «одним теоретическим сознанием истины». Как живая сила он может быть упразднен только «другою живою силою, ей противоположною», т. е. любовью²⁵.

По мнению философа, в любви осуществляется взаимопроникновение физического, реального и духовного, идеального начал в человеке: «Предмет истинной любви не прост, а двойствен: мы любим, во-первых, то идеальное... существо, которое мы должны ввести в наш реальный мир, и, во-вторых, мы любим то природное человеческое существо, которое дает живой личный материал для этой реализации и которое чрез это идеализируется не в смысле нашего субъективного воображения, а в смысле своей действительной объективной перемены и перерождения»²⁶.

С точки зрения В.С. Соловьева, истинное понимание любви неотделимо от веры в Бога: «Признавать безусловное значение за данным лицом или верить в него (без чего невозможна истинная любовь) я могу, только утверждая его в Боге, следовательно, веря в самого Бога и в себя как имеющего в Боге средоточие и корень своего бытия»²⁷. Смысл же любви – в перерождении человека в богочеловека через раскрытие в нём абсолютного содержания, вся полнота которого принадлежит Богу.

Таким образом, оказывается, что религия преображения – это сознательная любовь, именно она восстановит целостность личности, преобразит человека и человечество²⁸.

---

²³ Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. – М., 2000. – С. 199, 210–211.

²⁴ Эткинд А. Хлыст. Секты, литература и революция. – М., 2013.

²⁵ Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. – М., 1991. – С. 112.

²⁶ Там же. – С. 145.

²⁷ Там же. С. 143.

²⁸ Отметим, что Соловьева Белый понимал несколько по-своему. Философ говорил о человеке и человечестве в целом и, так сказать, вообще, полагая, что «действительно спастись, т. е. возродить и увековечить свою индивидуальную жизнь в истинной любви, единичный человек может только сообща или вместе со всеми», т. е. это дело неопределенного будущего. А. Белый же мыслил более конкретно и локально (я и Россия), а решение ему требовалось немедленно, и не просто найти его, а сейчас же начать осуществлять на практике.

* * *

Итак, для Андрея Белого в период работы над «Серебряным голубем» проблема Востока и Запада имеет первостепенное значение как для страны в целом, так и для отдельно взятой личности; решение этой проблемы, найденное отдельным человеком, будет вместе с тем решением для всех; решение не означает выбор, а предполагает синтез; решением может стать новая религия (или новое истолкование традиционной), в которой больше, чем прежде, будет уделяться внимания чувствам, в частности любви и радости жизни.

Ни Восток, ни Запад

Утверждение, что Запад в «Серебряном голубе» – это Гуголево, усадьба баронессы Тодрабе-Граабен, ни у кого не вызывает сомнений. А насчет того, что считать Востоком, единства мнений нет: одни исследователи полагают, что Восток – это Лихов, другие – что Лихов и Целебеево. С нашей точки зрения, верно первое утверждение, Целебеево же – образ собственно России, расположенной между Востоком и Западом, испытывающей влияние того и другого, но обладающей и собственными характерными чертами.

Черты эти, прежде всего, простор, широта занимаемого пространства и живость, жизненность. Первое символизирует раскинувшийся посреди села «большой луг, зеленый», о втором говорит приём олицетворения: всё, даже избы, даже кусты, в Целебееве живое: «В селе Целебееве домишки вот и здесь, вот и там, и там: ясным зрачком в день косится одноглазый домишка, злым косится зрачком из-за тощих кустов; железную свою выставит крышу – не крышу вовсе: зеленую свою выставит кикую гордая молодница; а там робкая из оврага глянет хата: глянет, и к вечеру холодно она туманится в росной своей фате» (33)²⁹.

Через село, связывая Восток и Запад, проходит дорога, которую называют лиховской. Дорога эта, по словам рассказчика, «портит» и луг, и сельчан: «испоганился придорожный целебеевский люд». «К дороге сбежались гурьбой целебеевские избенки – те, что поплосше да попоганее, с кривыми крышами, точно компания пьяных парней с набок надвинутыми картузами...». Вступившие на эту дорогу бесследно исчезают: «как махнут по дороге, так и не возвратятся вовсе». «Перекопать бы её», – мечтает рассказчик и сам себе отвечает: «Не велят...» (33).

Реакция живых целебеевских изб, кустов и пней одинакова на пришельцев с Запада и Востока. Когда однажды ночью тайком пришла в Целебеево баронессина внучка Катя, избы «точно присели... в черные пятна кустов, разбросались, – и оттуда злобно на нее моргают глазами, полными жестокости и огня; точно недругов стая теперь залегла в кустах огненными пятнами, косяками домов, путаницей теней и оттуда поднимают скворечников черные пальцы...» (234).

Село недружелюбно относится к ней, представительнице Запада, но и гостей с Востока не привечает. Вот едет из Лихова купчиха Еропегина:

«...Только что приближались они к святому месту, каждый пенёк на дороге принимал образ и подобие беса; всю дорогу Фёклу Матвеевну обсвистывал ветер и гнал на нее сухую пыль, а из пыли – пни, кусты, сучки, как бесовские хари, в солнце кривились на нее злобно, все её гнали обратно в Лихов... всю дорогу вплоть до села обсадили ужасными бесами; словно застава недругов обложила святые места: от пенечка к пенечку – от беса к бесу: столько бесов в душу Фёклы Матвеевны входили дорогой, сколько их в образе и подобии пней на дороге вставало под солнцем...» (273).

Гуголево, Лихов и Целебеево изображены как отдельные миры, с собственной, особой организацией пространства и времени. Гуголевской усадьбе в Лихове соответствует дом купца Еропегина: это огороженные и запертые, т. е. замкнутые пространства с подобным наполнением (надворными постройками: амбаром, баней, флигелем и т. п. и внутренним убранством домов). У Целебеева же нет ни единого центра (на эту роль претендуют избы попа, столяра Кудеярова, лавка Ивана Степанова, причём обстановка в каждом доме особенная), ни четкой границы. При этом именно открытое пространство – луг, поле – в романе оказывается жиз-

---

²⁹ Здесь и далее текст романа «Серебряный голубь» цит. по изданию: *Белый А. Серебряный голубь*. – М., 1989. В скобках указываются номера страниц.

ненным, а смерть настигает Дарьяльского в замкнутом пространстве – в маленьком флигельке в саду еропегинского дома.

По-разному в этих пространствах течет и измеряется время. Время в Целебееве определяют по церковным праздникам (Троица, Духов день, Первый Спас, Усекновение Главы), а в течение суток – по солнцу и звездам («в самый жар» (58), «пока огненный не раскидает закат над краем хаты красные бархаты» (48), «солнце стояло уже высоко» (64), «уже ведь вечер, и теплятся звезды» (297), «меркнет заря...» (298) и др. Целебеевское время включает человека в вечный круговорот природной жизни, делает причастным важнейшим историческим событиям. Благодаря этому прошедшее вновь и вновь возрождается, делаясь реальным содержанием настоящего. Жизнь как бы включается в вечность.

На Западе живут по часам: Белый не забывает отметить, что в залу, где пьют чай баронесса и Катя, Петр входит, когда часы бьют половину первого; что скандал, следствием которого стало возвращение Дарьяльского в Целебеево, произошел в половине девятого; что Еропегин и Чижикив пробыли у баронессы два часа и т. д. Гуголевское точное время упорядочивает жизнь обитателей усадьбы, но оно представляется пустым, так как частые отрезки, на которые оно делится, абстрактны, ничем не освящены.

В Лихове ни природные явления («в летние вечера... когда желтая заря издали в темь улыбалась...»; 98), ни часы («еще в три часа дня... поплыли старухи»; 101), ни церковный календарь («день-то был – Духов»; 99) не являются средством организации жизни горожан: весь Духов день льет дождь и нельзя понять, утро ли, или уже вечер; кто-то «завалился по случаю праздника спать с четырех часов пополудни», другие, напротив, не спали всю ночь: «многие так сидели под окнами, барабанили пальцами, молчали, икали, вздыхали, дремали, а всё же сидели – сидели до бесконечности» (99). Время в Лихове летит «с лихорадочной быстротой» (114), кроме того, оно прерывно: «День был лазурный, когда он входил на станцию; день был... – но нет: когда он оттуда стал выходить, дня не было; но ему показалось, что нет и ночи; была, как есть, темная пустота...» (395).

Целебеево противопоставлено Западу и Востоку и с точки зрения веры, религии. Запад в изображении Белого – неверующий. Своей церкви в Гуголеве нет, а в целебеевском храме Тодрабе-Граабенов «никто никогда... не видывал» (52). Ни Катя, ни старая баронесса не ходят в церковь даже по праздникам: действие романа начинается в Троицын день, а на службу в село идет один Дарьяльский.

Лихов по существу также неверующий: достаточно вспомнить, что именно из Лихова приезжали в Целебеево «богомазы», которые в старинной целебеевской церкви «по примеру лиховского собора» вместо прежних «строгих, черных, темных ликов... веселых, улыбчивых святых (помоднее, с манерами) расписали». Более того, желая «сорвать на харчи с крутого лавочника» (51), «богомазы» нарисовали его лицо на одной из икон. А «Степана Иванова обрабатывали... ловко под сицилизм: вольнодумцем стал Степан Иванов» (202).

Целебеевцы же охотно ходят в церковь. Более того, именно в Целебееве возникает «новая, голубиная вера». Рационально мыслящий Запад не соблазнить словами о «неизреченном», и потому сектантство не угрожает Западу: никто из Гуголева голубем не стал. В Лихове же с его по-восточному пассивным, безвольным населением секта быстро разрастается: «Занесли в город новую веру, и она пошла гулять по Лихову, как моровое поветрие» (93). В Лихове формируется особая группа (Сухоруков, Какуринский), имеющая воззрения, отличные от взглядов главы согласия Кудеярова: недаром говорится о «лиховской политической платформе», при разработке которой «собирались лезть насладить и сицилистам, и столяру...» (102). Сущность этих различий раскрывается в последней главе произведения, когда выясняется, что для Сухорукова «греха нет: ничаво нет – ни церкви, ни судящего на небеси» (370), для него «што курятина, што человеческое естество – плоть единая, непрекословная» (370). Он не признает ничего, что существовало бы дольше земной жизни, и это

явно противоречит сущности кудеяровских деланий, целью которых было воплощение духа «в плоть человеков»³⁰.

Лихов Целебееву ближе: в городе можно встретить сельчан и из Лихова постоянно являются в село гости, тогда как «в баронессину усадьбу не всякий был вхож». Но в образе Целебеева есть и черты, сближающие село скорее с Гуголевым, чем с Лиховом. Таковы, например, пейзажные детали: в Целебееве есть пруд, в Гуголеве – озеро, а в Лихове только пыль да грязь. Между Целебеевым и Гуголевым – лес, в самой усадьбе – вековые дубы; а дорога в Лихов идет по полям, в самом Лихове деревья, причём исключительно плодовые, растут только в городском саду да у Еропегина. В Целебееве и Гуголеве – воздух цветной: синий (31 – село, 147 – Гуголево), золотой (34 – село, 143 – Гуголево), заря окрашивает и село (298), и усадьбу (191). В Лихове – всё серое, цвет появляется лишь в связи с кудеяровскими деланиями: поутру после радений в лиховской бане «голубое всё было, и небо, и воздух, и роса» (113).

Музыка также связывает Целебеево с Гуголевым и противопоставляет Лихову. В Целебееве музицирует попадья. Помимо исполняемого на гитаре по просьбе выпившего мужа «Персидского марша», по собственному желанию на стареньком пианино играет она вальс «Невозвратное время», и каждый из присутствующих, включая Дарьяльского, вспоминает о прошлом. В Гуголеве Катина игра на рояле на время возвращает *невозвратное время*

---

³⁰ Сухоруков и Кудеров не просто лидеры секты. Начальные буквы их имен и профессий: ССМ (Сидор Семеныч, медник) и ММС (Митрий Мироныч, столяр) – делают их половинками одного целого (в алфавите “м” – четырнадцатая буква, “с” – девятнадцатая, их сумма равна тридцати трем – целому алфавиту), точнее, олицетворениями двух сторон зла: атеизма и сатанизма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.